

свою историческую, хорошо освоенную территорию с мягким климатом. Уставшие от имперских нагрузок русские будто бы хотят стать подобной нацией. Такой «воображаемый образ» русской нации недалекого будущего осуществляется точь-в-точь по методологии Б. Андерсона: «два человека принадлежат к одной нации, если и только если...». Вместо марксистской схоластики на тему советского народа граждан страны убеждают в правоте схоластики постмодерна, не только игнорируя тот факт, что последняя не имеет ничего общего с исторической Россией, но и не считаясь с тем, насколько далеки проекты наций XVII-XVIII вв. от прошлой и нынешней жизни в западных странах, от реальной динамики полиэтнических наций на разных материках. Не случайно аналитики данного направления не смогли предложить взвешенных оценок русофобии в постсоветских странах; им было трудно сформировать национально обоснованную позицию в отношении к русскому движению в Крыму, в Новороссии. При этом многие из них честно признают, что их идеи русские люди не поддерживают²⁶.

Вместе с тем большинство аналитиков, рассматривающих проблемы отечественной нации и национальной культуры, проявляют предельную осторожность в прогнозировании их конкретных форм. Их труды более связаны с отработкой новых установок и смысловых фокусов анализа, позволяющих понять отечественную культуру и российское общество исходя из закономерностей их внутреннего развития в истории и в наше время. Таким образом формируется самостоятельный дискурс, связанный с россиецентризмом, который признает ведущую роль в российской культуре русского ядра и учитывает наличие в ней мощного ресурса цивилизационной интеграции. Представители этого направления не отрицают, что в результате разрушения СССР и деструктивных либеральных реформ 90-х гг. наше общество пережило сверхсмертность, испытало

²⁶ См. об этом: Русский национализм и гражданский протест. Экспертный опрос // Вопросы национализма, 2012, № 9, с. 3-13.